

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. КОГДА ТЕБЯ ПРИНИМАЮТ ЗА ДРУГОГО	5
Глава вторая. РАЗГОВОР ЗА СЕМЕЙНЫМ СТОЛОМ	12
Глава третья. О ПОЛЬЗЕ ПЕЧНЫХ ТРУБ	22
Глава четвертая. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА	31
Глава пятая. ПОСЛЕ РОЖДЕСТВА.....	41
Глава шестая. ПОЛОВЕЦКИЕ ПЛЯСКИ.....	52
Глава седьмая. РАЗНЫЕ ЖЕНЩИНЫ.....	71
Глава восьмая. ПЕСНЯ ДЛЯ БЕЛЫХ МЕДВЕДЕЙ ...	81
Глава девятая. ЯШКА КУКОЛЬНИК.....	94
Глава десятая. РУССКАЯ БОЛЕЗНЬ.....	104
Глава одиннадцатая. ФИНАНСОВЫЙ ЛИКБЕЗ	116
Глава двенадцатая. МАКИАВЕЛЛИ НА РУССКОЙ ПОЧВЕ	125
Глава тринадцатая. ПРИДАНОЕ НЕВЕСТЫ	146
Глава четырнадцатая. СЛЕДОВАТЕЛЬ КАК МАШИНА.....	155
Глава пятнадцатая. ЧАЕПИТИЕ С ИСПРАВНИКОМ	166
Глава шестнадцатая. ПОКРОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ... ..	177
Глава семнадцатая. МАЛЕНЬКАЯ ШОКОЛАДНИЦА.	191

Глава восемнадцатая. ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ	200
Глава девятнадцатая. ПОЛЕНО С СЮРПРИЗОМ.....	211
Глава двадцатая. ДЫМКОВСКАЯ ИГРУШКА	221
Глава двадцать первая. САПОЖНИКИ БЕЗ САПОГ... ..	231
Глава двадцать вторая. КУФИЧЕСКИЕ ДИРХЕМЫ... ..	242
Глава двадцать третья. СТАРООБРЯДЦЫ ЧЕРЕПОВЕЦКОГО КРАЯ.....	252
Глава двадцать четвертая. ПРОВОДЫ РУССКОЙ ЗИМЫ.....	262
Глава двадцать пятая. НА ПАЧУ ЕДУ ПЛАЧА.....	273
Глава двадцать шестая. ПОЧТИ ПО ГОГОЛЮ.....	283
Глава двадцать седьмая. ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ	292
Глава двадцать восьмая. РАСКОЛЬНИЦА	302
Глава двадцать девятая. ОРУДИЕ УБИЙСТВА.....	312
Глава тридцатая. УБИЙСТВО НЕ ИЗ РЕВНОСТИ	322
Глава тридцать первая. НАША СЛУЖБА И ОПАСНА И ТРУДНА	331
Глава тридцать вторая. ДЕНЬ ИМЕНИННИКА	341
Глава тридцать третья. ДВОРЯНСКАЯ ЧЕСТЬ.....	350
Глава тридцать четвертая. ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ.....	360
Глава тридцать пятая. И НЕ ЗАБУДЬ ПРО МЕНЯ... ..	382
Глава тридцать шестая. ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ	393
Глава тридцать седьмая. СОЛОМОНОВО РЕШЕНИЕ	403

Глава первая

КОГДА ТЕБЯ ПРИНИМАЮТ ЗА ДРУГОГО

Какой русский не любит быстрой езды?

Разумеется, все ее любят, только где она, быстрая езда? Почтовая карета, поставленная на полозья, мчится со скоростью километров двадцать в час. Сколько это в верстах? Семнадцать? Разве это быстро? Хотя бы пятьдесят.

Еду в отпуск. Вроде бы в отчий дом, но домом стал дом моей квартирной хозяйки. Он, кстати, поручен соседям — присмотрят. Еще нанял для уборки снега Силантия — мужика, жившего через три дома от Натальи, даже выдал ему два рубля авансом.

Мне Николай Викентьевич дал отпуск на три недели. Мол, ничего в окружном суде за время вашего отсутствия не случится, если убьют кого — полиция расследование проведет, бумаги вас подождут, а вам, уважаемый Иван Александрович, обязательно следует отдохнуть, родителей навестить, вместе с ними Рождество встретить. Да, да, отдохните. Уж слишком вы много трудитесь в последнее время. И не в последнее тоже.

Николай Викентьевич не сказал, что и ему бы хотелось от меня отдохнуть, но я его понял. Я, чтобы не мельтешить перед глазами у шефа, согласился на отпуск. Да и самому скучно. Дел нет, Леночка в Белозерске, Наталья Никифорова где-то в Устюженском уезде, язык древних римлян можно учить не только в Череповце, но и в ином месте.

Почтовые кареты у нас делятся на разные классы. Есть огромные, вроде дилижансов, на двенадцать пассажиров. Есть кареты поменьше — на шестерых. Там скорость не выше, зато попутчиков меньше.

Я же решил кутить. Купил билет от Череповца до Чудова в четырехместную, считающуюся едва ли не люксом, заплатив двенадцать рублей. В шестиместной, кстати, проезд обошелся бы в восемь, а в большой так и вообще в пятерку. Зато обещали, что до Чудова меня домчат за два дня. А там можно либо нанять извозчика, либо пересесть на поезд узкоколейной дороги Чудово-Новгород. Прогресс, однако.

В Чудове выскочил из кареты, едва не забыв захватить свой саквояж. Сунув кучеру рубль, постарался быстренько убежать прочь. Еще в Череповце смотрел расписание, и до отхода поезда оставалось всего ничего. А следующий только завтра. Не хотелось опаздывать и добираться до Новгорода на извозчике. На лошадках часа четыре, а то и пять, на поезде доберусь часа за два. Надо обежать почтовую станцию, а там вокзал.

— Господин титулярный советник, остановитесь! — услышал я.

Оглянувшись, увидел совсем еще юного полицейского, с погонами коллежского регистратора. Слева и справа — двое скучавших городских.

Интересно, а разве в селе — а Чудово село — имеются чиновники и городовые? Кажется, положено быть унтеру с конной стражей. Население-то, как в нашем Луковце. Но тут неподалеку губернский центр, а Чудово — если не пригород Новгорода, то форпост точно.

— Па-трудитесь следовать за нами, — приказал мне коллежский регистратор, растягивая слоги.

— На каком основании? — осведомился я.

— Па-трудитесь следовать за нами, — повторил полицейский.

— Нет, господин коллежский регистратор, так дело не пойдет, — покачал я головой. — Согласно Циркуляра министра внутренних дел от 15 августа 1879 года, чины полиции, при задержании подданного Российской империи обязаны вначале представиться, затем объяснить, на каком основании производят задержание. Тем более, если вы заметили, я старше вас чином и отношусь к ведомству министерства юстиции.

Есть ли такое предписание, не знаю, да и про циркуляр я только что выдумал.

Коллежский регистратор беспомощно посмотрел на свое сопровождение.

— Так точно, ваше благородие, есть такой циркуляр, — кивнул один из городовых.

Скорее всего, парень тоже не знал, но я произнес фразу с таким уверенным видом, что лучше соглашаться. Главное, что все правдоподобно. Тем более что городовые косятся на своего начальника с недоумением. Видимо, молодой и ретивый.

— Коллежский регистратор Мокрополов, — соизволил представиться чиновник. — Исправляю обязанности помощника пристава села Чудова. Вы, господин титулярный советник, подозреваетесь в том, что вы государственный преступник, сбежавший из ссылки.

— Вот как? — слегка удивился я. Потом развеселился. — А если окажется, что я не сбежавший преступник? Вы меня доставите в Новгород?

Коллежский регистратор только захлопал глазами, городовые усмехнулись в усы. Понимают, что их дело сторона. Если что — не им отправлять чиновника.

Я посмотрел на часы. До отхода поезда остается десять минут, а мне еще билет брать. Нет, не успеваю. Не стану же драться с полицией, верно?

— Пойдемте, господин коллежский регистратор, — кивнул я исправляющему должность помощника пристава

ва. — Где вы собираетесь устанавливать мою личность? Или прямо здесь?

— Па-прашу следовать за нами, — снова завел свою шарманку коллежский регистратор.

Нет, парень определенно упивается своей маленькой властью. Впрочем, не такой уж и маленькой.

— Тычинин, возьми у господина титулярного советника его багаж, — распорядился коллежский регистратор.

Могу и сам донести, не тяжело, но коли предлагают помощь, почему бы не отдать?

Село Чудово, как я уже говорил, небольшое, но не маленькое. Пока шагали до полицейского участка, прошло минут десять, а свисток паровоза подсказал, что сегодня я опоздал.

— Па-прашу за мной, — указал коллежский на распахнутую дверь.

— Как вам угодно, — кивнул я, проходя внутрь.

Внутри все так, как у нас. Шкафы, пара столов, за которыми восседают городовые, в углу, справа по коридору, — клетка для задержанных, а слева кабинет господина пристава, куда меня провели.

— Где саквояж? — спросил я у коллежского регистратора.

— Па-прашу пройти, — только и сказал помощник пристава, не возвращая багаж.

В кабинете сидел пристав — тучный мужчина, в том же чине, что и я — титулярный советник, только постарше — лет так тридцати пяти.

— Мокрополов, что у тебя? — посмотрел пристав на своего помощника. Заметно, что начальник коллежского регистратора не слишком жалуется и не очень уважает, а иначе бы не обращался к коллеге, словно к нижнему чину.

— Ваше благородие, па-прашу проверить личность задержанного. Похож на сбежавшего из ссылки государ-

ственного преступника, — гордо сообщил Мокрополов. — Запрос на поиск был подан третьего дня, в вашей папке.

Мокрополов вышел, а пристав, кивнув мне на стул, придвинул к себе папку.

— Похож, значит, на сбежавшего преступника? — раздумчиво проговорил пристав, перебирая розыскные листы. — А на кого вы похожи, господин титулярный советник?

— Так вам виднее, — дипломатично отозвался я. — С утра считал, что похож на самого себя. А еще — на родителей.

— Это да, все мы похожи на папеньку с маменькой, — кивнул пристав, продолжая копаться в бумажках. Схватившись, сказал: — Прошу прощения, не представился. Алексеев Ефим Григорьевич.

— Очень приятно, — отозвался я. — Чернавский Иван Александрович.

— Ага, — кивнул пристав, извлекая-таки одну из бумаг. — Вот, кажется, эта... — Алексеев перевел взгляд с бумажки на меня, потом в его глазах появилось какое-то сомнение. — Простите, не расслышал вашу фамилию? Мне показалось, вы сказали — Чернавский?

— Так точно, — сказал я. — Фамилия моя Чернавский.

— Следователь по особо важным делам Череповецкого окружного суда, — досказал Алексеев. — В двадцать лет ставший кавалером ордена Святого Владимира, за спасение нижнего чина полиции.

— И это известно? — удивился я.

— Еще бы да неизвестно, — хмыкнул пристав. — Исправник по этому поводу специальное совещание проводил — вот, мол, как надо работать, чтобы кресты получать.

— Ефим Григорьевич, а на какого преступника я похож?

— А мы сейчас помощничка моего спросим, — сказал Алексеев.

Встав, открыл дверь и крикнул:
— Мокрополов, зайди-ка сюда,
Коллежский регистратор явился с моим саквояжем — раскрытым — вон, рукав нижней рубашки торчит. Мне это очень не понравилось, но пока промолчал.

— Мокрополов, а на кого похож господин титулярный советник? — ласково спросил пристав, помахивая розыскным листом.

— Так вот, на того, на Дзержинского...

— На Дзержинского? — малость ошалел я. — На Феликса?

Не должно быть Феликса Эдмундовича в здешних местах. Да и рано ему становиться политическим.

— Нет, на какого Феликса? На Вацлава, — отозвался помощник пристава.

Уже хорошо. Но про Вацлава Дзержинского никогда не слышал.

— Ага, читаю, — хмыкнул Алексеев и принялся зачитывать: — Вацлав Вацлавович Дзержинский, мещанин города Сувалки, бывший студент Варшавского университета, высланный под административный надзор в город Весеьгонск за неповиновение властям, двадцати пяти лет...

— Вот, двадцати пяти лет, — радостно заявил Мокрополов.

— А я неполного двадцати одного года, — поправил я.

— Ну и что? Мог и постарше выглядеть.

— Рост — два аршина и семь вершков, — хмыкнул пристав. Посмотрев на меня, безошибочно определил: — А тут два аршина десять вершков. У Дзержинского щеки впалые, борода. Где ты видишь впалые щеки? А рост?

Но Мокрополов мог потягаться в упрямстве не только с ослом, но и со стадом баранов.

— Бороду и сбрить можно. А рост? Мог и подрасти, молодой еще. А щеки так — были впалыми, отъелся на

русских харчах. Но главное, что Дзержинский может передвигаться по стране в мундире чиновников. А тут в мундире, и все приметы схожи.

Пристав тоскливо посмотрел на меня и спросил:

— Видите, Иван Александрович, кого присылают? А господин исправник хочет, чтобы полицейские подвиги совершали. Хорошо, если дурусти не делают, так нет, такое творят, что диву даешься.

— Так что делать? — развел я руками. Переведя взгляд на Мокрополова, спросил: — Мой саквояж вы уже проверили? Что-то интересное в нем нашли?

— Ничего противозаконного нет, — вынужден был признать помощник пристава, пытаясь отдать мне саквояж.

Его я пока в руки брать не стал. Улыбнувшись Мокрополову, спросил:

— Надеюсь, деньги вернули на место?

— Какие деньги?

— Как какие? — сделал я удивленные глаза. — В моем саквояже лежало пять тысяч рублей, двумя пачками. Если их нет, значит, вы их украли.

Кажется, до дурака начало что-то доходить. Сблестнув с лица, помощник пристава обреченно сказал:

— Не было там никаких денег! Городовые могут подтвердить.

— А при чем здесь городовые? — включился в игру пристав. — Городовой понятым не может являться, он заинтересованное лицо, да еще и ваш подчиненный. Где акт обыска, господин коллежский регистратор, с подписями понятых? Я же вам сто раз объяснял, что обыск можно проводить либо с согласия задержанного, либо по постановлению прокурора или прямому указанию судебного следователя. Понятые должны присутствовать. Уж самый крайний случай, если вы твердо уверены — в доме бомба хранится, труп лежит. Вот тут можете сами инициативу проявить, никто претензий вам не предъявит. А вы мало

того, что важного чиновника за преступника приняли, так и дров наломали.

— Виноват, забыл.

— Ефим Григорьевич, не обессудьте, но я собираюсь подавать в суд на вашего помощника, — сообщил я. — Пропало пять тысяч. Я брал деньги в Череповецком банке, вложил их в портфель. У меня имеется банковское извещение, — похлопал себя по сердцу, показывая, что бумажка лежит во внутреннем кармане. — Мои попутчики подтвердят, что деньги в саквояже были. Последний, кто брал саквояж в руки, кроме хозяина, — Мокрополов. Правильно, господин Алексеев?

— Так точно, господин Чернавский, — согласился пристав. — А я стану свидетелем на процессе. Подтвержу, что мой помощник провел незаконный обыск и в этом признался. Получу взыскание, что недоглядел, но это лучше, чем срок и лишение мундира. Мне, Мокрополов, не улыбается вашим соучастником становиться.

Неожиданно Мокрополов зарыдал. Упав на колени, стал размазывать по щекам слезы.

— Господа, господа, да не брал я никаких денег! Я и на самом деле решил, что преступника узнал. Ведь похож, а?

— Мокрополов, иди отсюда, — скривился пристав. — Ведь из-за таких, как ты, нас держимордами и считают. Имеется и всего-то один дурак, а посчитают, что все дураки.

Глава вторая

РАЗГОВОР ЗА СЕМЕЙНЫМ СТОЛОМ

Чем хорош мундир, так тем, что в нем можно и в пир, и в мир. Семейство Чернавских вернулось со службы, которую мы с отцом стояли в мундирах. Батюшка, нужно сказать, смотрелся импозантно при регалиях действи-

тельного статского советника и орденах. В прошлый раз не слишком-то разглядывал его награды, но за месяцы, проведенные в Череповце, я «очиновился», теперь рассматриваю мундиры с позиций — удачно или нет складывается карьера. У Чернавского-старшего все в ажуре. Анна на шее, Владимир 3-й, а вот звезды Святого Станислава в прошлый раз точно не было. Теперь имеется, путь освещает. Растет, стало быть. А в письмах батюшка не хватался. Видимо, предполагалось, что сынок сам прочитает в «Новгородских губернских ведомостях». Но отчего-то не прочитал, и сослуживцы до моего сведения не довели.

Ночью, когда меня кормили поздним ужином — очень поздним — батюшка вещал, что орден Святого Владимира 4-й степени лишил меня множества радостей. Дескать, получил бы своего Станислава 3-го — первая радость, прошло время — «Аннушка» свалилась на грудь, опять повод считать себя счастливым. А теперь сынок на долгие годы лишен простых человеческих радостей. Забавно, но то же самое говорил Лентовский.

— Иван, ты уже решил, в какой университет станешь поступать? — спросил Чернавский-старший, позвякивая ножичком, которым он взрезал верх у яичка всмятку. — В свой перепоступишь или в Москву?

— Саша, мальчик устал, — вступилась за меня матушка. — Что ты сразу о делах? Дай ему спокойно поесть. Разве не видишь, как он исхудал в этом Череповце? И приехал ночью, а ты его поднял ни свет ни заря. Мог бы дать мальчику еще поспать. Не пришел бы на заутреню — ничего страшного.

Приехал я не особо поздно, в час ночи, хотя родители ожидали моего приезда еще в семь часов вечера, по прибытию поезда. Хорошо, что исправник из Чудова сообразил, что следует отбить телеграмму, уведомляющую о задержке, а потом организовал и отправку в губернию незаконно задержанного чиновника.

Пожалуй, если бы не телеграмма, отец бы успел провести допрос машиниста, кондукторов, да еще и отправить их под арест. Шучу, разумеется. Под арест бы сразу отправлять не стал, но задержать вполне мог.

Причину задержки объяснять пришлось. Как мог, расхвалил титулярного советника Алексеева, пристава, но Мокрополова щадить не стал. Отец мне ничего не сказал, но головой покачал. Думаю, ретивого коллежского регистратора со службы не уволят, потому что дурость — не повод для увольнения, но вот «задвинут» куда-то туда, откуда ему хода не будет. Есть ведь такие должности, где приходится целыми днями бумажки перебирать, переписывать, но чтобы дураку работать с людьми — боже упаси.

Вчера в Чудове со мной случился всего-навсего досадный инцидент, и все, к счастью, разрешилось, но отчего-то при воспоминаниях становилось неприятно, а во рту появлялся противный вкус. Как говорил один мой знакомый — «словно говна наелся». Нижнее белье и прочие вещи из дорожного саквояжа, после того как их трогали чужие руки, хотелось выбросить.

Подумалось — а как же скверно приходится людям, попавшим в полицию по надуманному поводу или вообще по нелепой случайности? И нет у них за спиной ни чина, ни грозного папочки...

Так что сыночку вице-губернатора полезно почувствовать на своей шкуре — каково оно, быть простым смертным в руках мелкого человечка, вообразившего себя всемогущим начальником.

— Ничего страшного, потом отосплюсь, — улыбнулся я, пытаюсь, по примеру отца, «зарезать» яйцо, стоявшее передо мной. (Чуть не написал — мое собственное, но согласитесь, получится двусмысленно.) Почему-то так ловко не получилось, отвык, наверное. Или — а это ближе к истине — попросту не умел. Яйца, варенные всмятку,

в прежние времена я попросту колотил ложечкой, выбирал скорлупу руками, а уже потом ел.

Завтрак, единственная возможность собраться в узком семейном кругу (слуги не в счет), поговорить о жизненно необходимом. В обед родители куда-то уедут, кто-то их пригласил, а на ужин к нам в дом должны зайти некие люди. Не то подчиненные батюшки, не то важные или влиятельные лица.

— Не заметил, что Иван исхудал, — хохотнул отец. — Вон, у него пузо скоро, как у меня, будет и шея в воротничок не влезает.

Пожалуй, отчасти Чернавский-старший прав. Наталья Никифоровна кормила меня на убой, с ее кухней трудно быть худощавым. Пузо, разумеется, пока никуда не лезет, но пора подумывать о физкультуре.

— Оленька, я почему из-за университета переживаю, так потому, что пора решать — с кем мне списаться, продумать — где у меня знакомые есть? И на заутреню я Ивана не просто так поднял. Сегодня губернатор на службе был, посмотрел, каков у его помощника сын.

— А то он не знает? — с иронией спросила матушка.

— Конечно, знает, — хмыкнул папаша, отодвинув скорлупу и переходя к ветчине. — Но когда Александр Николаевич Ивана в последний раз видел? Лет пять назад, когда тот в гимназию ходил. Но кто наш сын тогда был? Ванька! А что с Ваньки взять? Теперь его высокопревосходительство на Ивана Александровича поглядел, своими глазами увидел, за кого ему в Московском университете хлопотать придется.

— Батюшка, а ты уже все за меня решил? — удивленно спросил я. — А чего тогда спрашивал, какой университет выбрал?

— Не то чтобы решил, но мы с господином губернатором как-то сели, поговорили. Разумеется — и о тебе речь зашла, чисто случайно, а тут он вспомнил, что у него

в Московском университете хороший приятель имеется — господин Легонин Виктор Алексеевич. Тебе фамилия о чем-нибудь говорит?

— Легонин? — пожал я плечами. — Ни о чем.

— А должна бы говорить, — укоризненно покачал головой отец. — Легонин — он, вообще-то, медик, доктор медицины. В Крымскую войну, как из университета выпущился, в Севастополе лекарем был.

В Крымскую войну студентов-медиков выпускали по ускоренной программе, без экзаменов, и отправляли в действующую армию.

Чернавский-старший вздохнул. Видимо, вспомнил, как хотел бежать воевать после смерти отца.

— Саша, но Ваня не на врача собирается поступать, а на юриста, — возмутилась матушка.

— Оленька, ты дослушай вначале, потом ворчи, — невозмутимо сказал отец. — Господин Легонин — профессор кафедры судебной медицины Московского университета, но самое главное — декан юридического факультета, член правления университета. Что-то там еще у него есть, не упомяну. Смекаешь?

— О, тогда да, человек нужный, — согласилась матушка. — Но он же нашему Ванечке диплом не выпишет, верно?

— Диплом, разумеется, за красивые глазки он не выпишет. Его даже государь-император не вправе выписать. А вот присмотреть, чтобы к Ивану отнеслись благосклонно, чтобы его какой-нибудь профессор по дурости не завалил — это он может.

Ну да, это я тоже знаю. С деканами факультетов ни доцент, ни профессор стараются не ссориться. Попадают, разумеется, особо упертые препода, но им быстро рога обламывают.

— Саша, а не лучше ли Ване в Санкт-Петербурге перепоступить? Ему все-таки там все знакомое, все родное.

Я сделал скромный вид. Ага, все знакомое и родное. Санкт-Петербургский университет только со стороны видел, да и то в далеком-далеком будущем. Бывал, правда, в студенческом общежитии, но это мне вряд ли поможет.

— Можно и в Петербург, но лучше не стоит. Кто знает, как руководство университета отнесется к тому, что Иван поступал на физмат, проучился целых три года, а теперь решил на гуманитарное отделение перейти? Казань с Харьковом далековато, поближе у нас в Ярославле Демидовский лицей, но у меня там никого из хороших знакомых нет. И выходов на лицей нет. Поискать можно, но стоит ли?

— Ваня, что скажешь? — спросила матушка. — Поедешь в Москву в университет поступать?

— Почему бы нет? — хмыкнул я. — Тем более, если у батюшки имеется человек, способный составить протекцию.

— Иван, а ты определенно умнеешь, — хмыкнул Чернавский-старший. — Если бы я с тобой в прежнее время заговорил о протекции, ты бы уже верещать принялся — дескать, я сам! Определенно, служба в уездных городках идет молодежи на пользу.

Посмотрел на себя со стороны, подумал — в том, моем мире, такой разговор с отцом был бы немыслим. Какая протекция? Мой батюшка, который полковник, без проблем мог бы поговорить с военкомом, чтобы меня оставили служить — нет, про его часть даже не заикаюсь! — в родном городе, но посчитал, что это неприлично. Что ж, понимаю, решение отца уважаю.

Но и здесь, если посмотреть на мою службу глазами стороннего человека, Чернавский-старший тоже не стал выискивать для сына тепленькое местечко где-нибудь в столице (а мог бы!), а захреначил того в провинцию.

Разумеется, пользоваться протекцией неприлично. Но если это касается диплома — воспользуюсь без зазрения совести! В той жизни у меня есть диплом, даже три,